DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.1.4>

УДК 165.19

ББК 87.4

ИНТУИЦИЯ И ПРЕДПОНИМАНИЕ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Елена Николаевна Шульга

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник,
Институт философии РАН
elena.shulga501@gmail.com
ул. Гончарная, 12, 119019 г. Москва, Российская Федерация

Анастасия Владиленовна Маслова

Аспирант философского факультета,
Государственный академический университет гуманитарных наук
an_maslova@inbox.ru
пер. Мароновский, 26, 119049 г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена обоснованию роли предпонимания в познании и его связи с научной интуицией, как она представлена в философском дискурсе. Предпонимание характеризуется как категория философской герменевтики и эпистемологии, что дает возможность проводить прямые аналогии между предпониманием и интуицией, в особенности в связи с выяснением их роли в рациональном научном поиске. Такой аспект исследования позволяет шире взглянуть на проблему соотношения рационального и иррационального в процессе познания, рассматриваемого на фундаментальном уровне. Сделан вывод, что в понимании специфического характера научного познания большую роль играют такие понятия, как «открытая рациональность» и, в особенности, «интеллектуальная интуиция». Именно на уровне проявления интеллектуальной интуиции, как показано в статье, соотношение предпонимания и интуиции раскрывается в полной мере.

Ключевые слова: предпонимание, понимание, научная интуиция, когнитивный подход, рациональность, иррациональное познание, герменевтика, эпистемология.

Изучение фундаментальных аспектов познания связано не только с обоснованием рациональных методов научного исследования, но и с выявлением особенностей таких когнитивных способностей человеческого сознания, как интуиция и предпонимание. В настоящее время проблематика предпонимания представляет собой одно из актуальных направлений современной эпистемологии, впервые феномен предпонимания стал рассматриваться как элемент познания в связи с проблемой понимания и интерпретации – цент-

ральной темой философской герменевтики. Это дает основание использовать результаты герменевтики в отношении понимания смысла фундаментальных понятий эпистемологии и философии науки.

Один из способов определения статуса того или иного научного и/или философского понятия состоит в выяснении тех условий конкретного смысла этого понятия, которое ему придают в зависимости от контекста употребления или в связи со спецификой изучаемого объекта. Этот методологический прием мы

будем использовать и в нашем исследовании. Прежде всего по отношению к понятию «предпонимание», рассматривая предпонимание в контексте эволюции философского взгляда на процесс познания с тем, чтобы затем ответить на вопросы: как соотносятся предпонимание, понимание и интуиция, и как эти феномены человеческого мышления и сознания раскрываются на фоне рациональных поисков, отвечающих задаче научного исследования.

Особое внимание мы будем уделять интуиции, характеризуя ее не только как способность мышления, но рассматривать интуицию как общенаучное понятие, подводя под понимание «научной интуиции» достоверные основания.

Философская герменевтика о предпонимании

Самый простой способ определить предпонимание – это признать наличие его как феномена нашего сознания. Кроме того, следует выяснить роль предпонимания в процессе познания. В качестве иллюстрации такого способа обоснования, обратимся к Э. Тисельтону, который характеризует предпонимание и как когнитивную способность, и как действие, связанное с формулировкой «исходного предположения с целью дать толчок процессу, направленному на более глубокое понимание сути вопроса» [9, с. 19]. В оценке предпонимания здесь содержится указание на глубинный смысл, который ученый придает познанию в целом, причем наступление предпонимания связано с конкретными предписаниями. Они касаются прежде всего «формулировки исходного предположения» на основе имеющегося знания и направлены на «более глубокое понимание сути вопроса». Хотя слово «предпонимание» в тексте не используется, смысл его косвенно указывает на предпонимание, которое направляет познание к пониманию проблемы, что не может не предполагать наличия знания у того, кто способен выдвинуть те или иные «исходные» предположения. Тем самым предпонимание выступает как процесс, как результат и как способность понять проблему, и как способность артикулировать вопросы, придавая им очевидный и понятный смысл.

Формулирование «исходного предположения» мы рассматриваем как предпосылку знания и как начальный этап в изучении проблемы. Предпонимание «суть вопроса» связано с предположением и выдвижением идеи. Предпонимание выступает здесь в форме знания, которое еще не обосновано. По мере погружения в проблему, ученый выходит на уровень рассуждений, связанных с рациональным и артикулируемым обоснованием изначального предположения. Таким образом, научное познание связано не только с описанием, объяснением и обоснованием, но предстает как деятельность, в которой понимание и предпонимание сопровождают индивидуальный процесс исследования.

В свою очередь восхождение от предпонимания к пониманию можно характеризовать как нарративный процесс мышления. Адресуемость к объекту рассуждений (или цели исследования) в движении к пониманию проблемы предстает как герменевтический круг или «прыжок» к пониманию, что, по сути, сближает предпонимание и интуицию. Именно интуиция мгновенно дает нам конкретное решение, причем такое решение, которое подкреплено чувством уверенности в его истинности [14, р. 813].

Рассматривая предпонимание в контексте философской герменевтики, следует заметить, что герменевтика постоянно задается вопросами фундаментального свойства и поиска собственных первоначал. В особенности эта задача проявила себя как актуальная в рассуждениях, касающихся системы адекватных методов понимания и интерпретации и обоснованием метафизических границ понимания вообще. Поэтому, выявляя сущностные характеристики процесса понимания и его феноменологические основания, мы учитываем такой уровень рассуждения, где так называемая феноменологическая редукция к пониманию предполагает, что описывая акт понимания, мы будем отвлекаться от всего того, что не имеет отношения к смыслу изучаемого предмета. Мы будем уходить от всех второстепенных и побочных вопросов, но при этом учитывать, что подлинным объектом нашего исследования являются предпонимание и интуиция.

Изучая проблему соотношения предпонимания и интуиции в познании, мы исходим из

признания очевидности этих феноменов сознания. Кроме того, мы предполагаем, что у нас уже имеется в предпонимании определенная доля знания предмета изучения, а по сути, у нас есть пред-знание предмета изучения. И хотя такое утверждение может показаться парадоксальным, рассмотрим и сопоставим разные аспекты этой проблемы.

Так, на феноменологическом уровне предпонимание имеет место там, где «нечто» уже понято, поэтому это «нечто» является одновременно и нашим знанием. Такое *пред-знание* всегда индивидуально, личностно, эмоционально окрашено и наполнено смыслом. Однако в социальном смысле оно всеобщее, поскольку способность *пред-понимать* нечто присуща всем людям, и без этой естественной способности взаимопонимание людей было бы невозможно. Такой феноменологический взгляд на предпонимание дает представление о специфике этого феномена – в предпонимании находит отражение стабильная очевидность реального мира и его объектов, в том числе таких, благодаря которым становится возможным распознавание условий понимания. В общефилософском контексте проблематика предпонимания связана с *теорией понимания*, развиваемой современной эпистемологией. Обоснование этой теории начинается с обработки объективных ценностных суждений, которые раскрывают сущность познания и на этой основе происходит выдвижение учения о постижении смысла.

Фундаментальность проблемы понимания, рассматриваемой в контексте исторических типов рациональности и соотношения рационального и внерационального определяется как важная составляющая самого процесса научного познания [8, с. 6–27; 14, с. 38–54]. Индивидуальный опыт познания и усвоенные знания способствуют пониманию, которое находится на границе критической рефлексивности как одного из уровней рациональности. При этом неартикулируемый опыт познавательной деятельности, который свойственен интуиции, мы относим к сфере предпонимания.

Эпистемология характеризует понимание как результат действия когнитивных механизмов мышления и познания. Но, как уже было отмечено, предпонимание – это и тип знания,

предшествующий полноте знания предмета, и это *предзнание* по смыслу близко к тому, что мы называем всеведением. Другими словами, это то, что соединяет в себе элементы известного, наряду с тем, что не артикулировано или находится в области внерационального. Тем самым предпонимание и знание взаимосвязаны, одно предполагает другое. Поэтому предпонимание следует характеризовать как важную эпистемологическую составляющую познания в целом. В конкретной научной деятельности оно часто выступает как важный элемент научного открытия.

Итак, определяя предпонимание как элемент когнитивной деятельности мышления, мы учитываем его внерациональную составляющую. Это дает основание характеризовать его как целостное, одномоментное схватывание какого-либо предпонимаемого смысла». И это становится возможным «благодаря действию сложного механизма взаимодействия психофизического, эмоционального и рационального элементов процесса мышления и познания» [13, с. 9]. Таким образом, предпонимание следует отнести к области процесса познания, где действует интуитивное схватывание предмета, образа, мысли, идеи и т. д.

Обычно интуицию связывают с иррациональным способом познания. Разделяя эту позицию, мы пойдем дальше, и будем рассматривать предпонимание как такой феномен, который находится на границе опосредованного знания и непосредственного восприятия.

Важно подчеркнуть, что предпонимание как *интеллектуальное переживание*, близко по смыслу к понятиям «вживание», «вчувствование», «вхождение в контекст», которые широко используются в философской герменевтике. В особенности, когда надо передать смысл ментального состояния «события предпонимания», которое не ограничивается сферой субъективного, но выходит за его пределы, становится предметом коммуникативной смысловой реальности и нуждается в интерпретации.

Большинство исследователей этой проблематики считают необходимым критический контроль над процессом интерпретации; они разделяют два одинаково значимых аспекта – объяснение и понимание. Объяснение соответствует традиционному процессу познания во всех областях науки, понимание

же предполагает субъективное участие и интуитивный или внерациональный подход.

Как известно, Ф. Шлейермахер проводит границу между критикой, сравнением и стремлением к пониманию, в том числе, в связи со стремлением людей к взаимопониманию и согласию. Он формулирует два герменевтических принципа интерпретации: дивинаторный и сравнительный. Первый из них предполагает интуитивное «вживание» в текст и соответствует задаче понять истинный смысл его, проникаясь стилем мышления автора. По сути, этот принцип «психологической» интерпретации нацелен на понимание того, что составляет внутреннюю жизнь автора, отразившуюся в тексте – прямо или косвенно. Подобным методом «психологической интерпретации» пользовался известный русский мыслитель и философ И.А. Ильин, интерпретируя философию Гегеля [4, с. 9–20].

Второй метод интерпретации, «грамматический» – более строг в отношении грамматики текста, его логической и языковой структуры. Герменевтика признает эффективность этих методов, не пренебрегая подходом, который апеллирует к интуиции. Как утверждал, например, Э. Фукс, создатель так называемой «новой герменевтики», сопереживание и взаимопонимание – это понятия, которые выражают суть герменевтики, нацеленной на «глубинное понимание».

Проблематика понимания была в центре интересов В. Дильтея. Он выдвинул концепцию понимания и интерпретации, включив вопросы предпонимания и соотношения предпонимания и интуиции в проблемное поле герменевтики. Его понятийная триада «переживание–выражение–понимание» в точности соответствует процессу получения знания, объясняя, каким образом непосредственность восприятия становится достоверным знанием. При этом В. Дильтей вводит понятие «герменевтический круг» – метод, которым пользовался Ф. Шлейермахер, но не давал ему такого названия. Суть герменевтического метода состоит в следующем: чтобы понять текст, следует обратиться к автору и родственной ему литературе (изучаемой теме). Такая сравнительная процедура направлена на глубокое понимание текста или проблемы в целом. В. Дильтей занимался в основном «по-

иском методологической базы для обоснования науки о духе, начальным и конечным пунктом которых является, по мнению В. Дильтея, конкретный исторический, живой опыт» [12, с. 145]. Таким образом, по В. Дильтею, понимание органично включается в целостный жизненный процесс, которым является познание. Более того, понимание «определяется не как отдельный вид познания, существующий наряду со знанием теоретическим, а как эпистемологический компонент жизненнопрактического освоения мира, включающего согласнo основному антропологическому принципу В. Дильтея, когнитивные, эмоциональные и волевые аспекты» [7, с. 192].

Остановимся более подробно на когнитивных свойствах понимания, компонентами которого являются предпонимание и интуиция.

Когнитивный аспект предпонимания и интуиция

Предпонимание мы характеризуем как «промежуточное звено сложного акта понимания или его “первое основание”» [13, с. 33], которое еще не артикулировано, но соотносено с теми усвоенными смыслами, которые имплицитно присутствуют в сознании. Подобно тому, как интуиция может привести к недостоверному знанию, так и предпонимание может приводить к некому мнимому знанию. Ученый опирается на знание в конкретной области науки, привлекая к исследованию результаты смежных областей знания, и использует различные научные тексты. При интерпретации сложного текста наступает момент предугадывания, вчувствования в текст, когда, углубляясь в содержание, исследователь стремится приблизиться к автору или даже превзойти его. Этот подход составляет главную цель герменевтического метода и сводится к тому, чтобы понять автора лучше, чем тот понимал сам себя.

Предпонимание и интуицию мы рассматриваем как рядоположенные понятия внутри целостного и взаимосвязанного процесса познания. Однако на преимущественное значение интуиции указывал, например, А. Бергсон, когда говорил о значении интуиции для философии. Он был убежден в том, что первоисточником создания философской системы яв-

ляется простое начало – чистая интуиция философа [1, с. 165].

Представители разных философских направлений и школ постоянно интересовались фундаментальными основами человеческого понимания и познания. В частности, рассуждали о понимании и предпонимании, о рациональности и интуиции. Например, М. Шелер рассматривал познавательные возможности человека в контексте их социальной обусловленности. Полученное знание у него принимает самые разные формы, которые подчиняются преобразованию в процессе освоения объектов науки, искусства и всех иных сфер духовной жизни людей. Е.Н. Шульга пишет: «Через духовный аспект жизнедеятельности как раз и происходит творчество смыслов. Эта способность возникает вследствие объективного понимания смыслового содержания произведений творческого Я и этому этапу предшествует субъективное, непосредственное понимание правил получения смысла» [13, с. 44].

Однако эти «правила получения смысла», например, по М. Шелеру, лежат исключительно в социальной сфере. Поэтому предпонимание предполагает не только опору на знание как основное условие предпонимания, но само знание приобретается в процессе общения в семье, группе, обществе и т. д. Поэтому предпонимание первично по отношению к знанию; оно дано людям а priori и предшествует появлению «Я», то есть предшествует самосознанию. Важность этой идеи состоит в том, что в ней раскрывается рациональное объяснение процессов, происходящих вне рациональной сферы познания, но при этом закладывается основа представлений о том, как формируется традиция. Согласно М. Шелеру, традиция создается благодаря способности человека к подражанию и копированию наряду с использованием такого способа познания действительности как наблюдение «Другого» [13, с. 45].

Итак, выявление фундаментальных основ познания выводит нас на проблематику, связанную с рассмотрением аспектов, где понимание и предпонимание получают конкретное описание, и оно может быть вполне рациональным, то есть иметь собственные оригинальные основания.

Важно обратить внимание, что уже М. Шелер характеризует предпонимание как естественную данность, и соотносит его с естественной способностью к социализации, изначально присущей людям. Рассматривая социальность как отправную точку своей концепции, М. Шелер приходит к выводу о необходимости встроить в ее контекст категорию «предпонимание», подчеркивая тем самым фундаментальный характер используемых понятий и выдвигаемых положений.

Иной смысл предпонимания находим у М. Хайдеггера, для которого понимание – это «феноменологическая почва, благодаря которой бытие (как определенная возможность, как “умение быть”) получает позитивную онтологическую определенность присутствия» [13, с. 57]. Тем самым понимание и предпонимание характеризуются как фундаментальные экзистенции, которые определяют и познание, и все виды практического отношения человека к миру [10, с. 364–370]. М. Хайдеггер интересен еще и тем, что создает целый проект герменевтического отношения к тексту, где условия понимания есть способность к интерпретации и получению смысла.

Опуская описание основных положений герменевтической позиции М. Хайдеггера, укажем только на отдельные аспекты, связанные с проблематикой, представленной в данной статье. Так, рассуждая о герменевтическом понимании, М. Хайдеггер подчеркивает мысль о том, что понимание должно начинаться с усвоения некоего *предварительного мнения*. Это предварительное «мнение» касается предпонимания смысла текста в целом или его отдельного фрагмента. Такое понимание есть спонтанное предвидение смысла, контролируемое сознанием и удерживаемое в толковании.

Рассмотренные нами различные аспекты погружения в мир понимания (события ли, текста, самого себя или «Другого») дают довольно отчетливую картину развития самой проблематики, где место интуиции занимает предпонимание. Это делает возможным такой подход, который следует назвать *феноменологически-герменевтическим*, что как раз оправдывает использование методов философской герменевтики в отношении обоснования условий получения смыслов с помощью

интуиции, включенной в рациональный процесс научного познания. Тем самым мы выходим на уровень изучения проблемы, где интуитивное предстает как ассоциируемое с предпониманием, и, будучи соединенным с научным знанием, предпонимание оказывается встроенным в концепцию рациональности. Такой подход позволяет придать новый смысл интуиции – в науке этот род интеллектуальной деятельности ученого (познавательный акт) получает статус интеллектуальной интуиции.

Сам термин «интеллектуальная интуиция» используют многие отечественные философы. Например, В.С. Швырев, когда пишет о рациональности в контексте становления научного знания и о месте науки в современной культуре. Однако аспекты интуитивного познания хотя и учитываются, практически им не уделяется специального внимания. Так, в монографии В.С. Швырева «Рациональность как ценность культуры» понятие «интуиция» встречается только в трех местах. В первом случае, в ссылке на работу С.В. Мейена «Принцип сочувствия. Размышления об этике и научном познании» [5]. Во втором случае речь идет об интуиции в ее непрямом смысле, когда автор предостерегает исследователей от игнорирования «внерациональных форм ментальности и культуры». При этом философ подчеркивает значение «ответственности субъекта рациональности», которая сводится к выходу на «твердую почву эмпирического базиса интеллектуальной интуиции, логической истинности и т. п.» [11, с. 172].

Наконец, понимание сущности интуиции у В.С. Швырева обнаруживаем в том фрагменте текста, где он пишет, что «рациональное сознание исходит из возможности прямого схватывания и прослеживания свойств и связей исследуемого противостоящего ему предмета» [11, с. 17]. Тем самым интуиция ассоциируется с «прямым схватыванием» и ясно указывает на то, что рациональность, которой овладевает исследователь как некоей эпистемологической ценностью, предполагает еще и ответственность субъекта (то есть самого ученого) за выдвигаемые идеи.

Между тем интеллектуальная интуиция характеризуется не только как способность интеллекта, но обладает ценностью истинного

знания при условии, что субъект опирается на опытное знание и навык познавательной деятельности. Благодаря этому как раз и становится возможным «рациональное сознание» и «прямое схватывание», и «прослеживание свойств и связей». Именно на этом уровне научное познание раскрывается в полную силу.

Конечно, в реальном познании нет жесткой границы применения – отдельно *ratio* и отдельно интуиции, поскольку эти способности дают естественное направление исследования и толчок к пониманию сути вопроса. Подобно тому, как в акте предпонимания задействованы те же самые когнитивные механизмы, что и в интуитивном (иррациональном) акте мышления, оба феномена проявляются благодаря их связи с информацией, с получением информации, которая затем, в последующей понятийной обработке (через действие дискурсивного мышления) становится полноценным знанием.

Вопросы соотношения научного знания и интеллектуальной интуиции – это специальное направление исследований. Так, Д. Дойч, рассматривая структуру реальности, указывает на множественное значение интуиции, например, на действие интуиции в нестандартных ситуациях, в математике, логике, в формулировании теории относительности, в теореме Геделя, в доказательствах, связанных с вычислением, наконец, он рассматривает интуицию как врожденную способность человека и т. д. [3]. М. Бунге сопоставляет рациональные методы с внерациональными способами познания и выстраивает систему классификации интуиции, называет ее «научным откровением», «научным предчувствием», «неформальным мышлением», творческим воображением, в результате которого появляется новая идея.

Безусловно, творческий аспект важен для ученого, и «творческое воображение – конструктивный процесс, с помощью которого являются на свет, обогащая его, новые мыслительные объекты» [2, с. 125]. При этом Бунге критикует формалистов, которые «преувеличивали значение заключительного логического упорядочивания приобретенных знаний, не уделяя внимание способам получения посылок» [2, с. 125]. Следует признать, что вспышка озарения, «инсайт» в науке происходит благодаря предварительно приобретенно-

му опыту освоения знания и навыку исследовательской работы.

Нельзя не отметить тех ученых, которые придают значение внерациональным аспектам творчества. Так, известный историк науки и философ В. Уэвелл, рассуждая о «тайне» открытий, усматривал их в прозорливом отборе правильных гипотез и утверждений.

С точки зрения теории аргументации этот аспект реализации творческого потенциала ученого предполагает хорошо развитую интуицию [6]. Интуитивная аргументация часто рассматривается как способ получения достоверного знания, наряду с овладением информацией и тщательной аналитической обработкой полученных сведений, их систематизацией и классификацией. Эта предварительная работа по сбору материала создает предпосылку для новых идей и гипотез и в этом процессе определенную роль играет интеллектуальная интуиция, характеризующаяся как «ускорение умозаключения» (в терминологии М. Бунге).

Безусловно, интеллектуальная интуиция невозможна без опоры на знания, которые помогают исследователю увидеть «проблему в целом» – в этом как раз и проявляется единство предпонимания и интуиции, их эвристичность. Как только проблема ясна и понятна в целом, на первое место выходит рациональность, которая заключается в использовании рациональных методов научного исследования. При этом развитие рациональности и наполнение методологического аппарата науки стимулируется не только запросами отдельной отрасли знания (или сферы познания), но и при участии такого важного исследовательского импульса, каким является мотивация к творчеству в науке.

Подводя итоги исследования, следует еще раз подчеркнуть, что в исследовательской деятельности определенную эвристическую роль играет предпонимание. Оно может быть нацелено на выяснение смысла предмета изучения или целой проблемы, аспекты которой конкретизируются в естественном языке и затем артикулируются в языке данной науки, возвышаясь до значения научных понятий. В пространстве языка науки этот выраженный смысл предпонимаемого (понятийный смысл) становится необходимым элементом рациональности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергсон, А. Философская интуиция / А. Бергсон // Избранное: Сознание и жизнь. – 2010. – С. 164–180.
2. Бунге, М. Интуиция и наука / М. Бунге. – М. : Прогресс, 1967. – 187 с.
3. Дойч, Д. Структура реальности / Д. Дойч. – Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 400 с.
4. Ильин, И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Учение о Боге / И. А. Ильин. – 2002. – Т. I. – 448 с.
5. Мейен, С. В. Принцип сочувствия. Размышления об этике и научном познании / С. В. Мейен. – М. : ГЕОС, 2006. – 212 с.
6. Мысль и искусство аргументации / под ред. И. А. Герасимовой. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 400 с.
7. Плотников, Н. С. «Живое знание». Идея конкретного познания у С.Л. Франка и В. Дильтея / Н. С. Плотников // Герменевтика. Психология. История. Вильгельм Дильтей и современная философия. – 2002. – С. 177–193.
8. Степин, В. С. Исторические типы научной рациональности: проблемы демаркации и преемственности / В. С. Степин // Философия, методология и история науки. – 2015. – Т. 1, № 1. – С. 6–27.
9. Тисельтон, Э. Герменевтика / Э. Тисельтон. – Черкассы : Коллоквиум, 2011. – 430 с.
10. Хайдеггер, М. Основные проблемы феноменологии / М. Хайдеггер. – СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 2001. – 446 с.
11. Швырев, В. С. Рациональность как ценность культуры: традиция и современность / В. С. Швырев. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 176 с.
12. Шульга, Е. Н. Когнитивная герменевтика / Е. Н. Шульга. – М. : Российская академия наук. Институт философии, 2002. – 235 с.
13. Шульга, Е. Н. Понимание и интерпретация / Е. Н. Шульга. – М. : Наука, 2009. – 318 с.
14. Lycan, W. G. Epistemology and role of intuition / W. G. Lycan // The Routledge companion to epistemology. – N. Y. : Taylor & Francis, 2011. – P. 813–823.

REFERENCES

1. Bergson A. Filosofskaia intuitsiya [Philosophical Intuition]. *Izbrannoe: Soznanie i zhizn* [Favourites: Consciousness and Life]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 164–180.
2. Bunge M. *Intuitsia i nauka* [Intuition and Science]. Moscow, Progress Publ., 1967. 187 p.
3. Doych D. *Struktura realnosti* [The Structure of Reality]. Izhevsk, NITS «Regularnaya i haoticheskaya dinamika» Publ., 2001. 400 p.

4. Ilyin I.A. *Filosofiya Gegelya kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka. Tom I. Uchenie o Boge* [Hegel's Philosophy as the Doctrine about Concreteness of God and Person. Vol. I. The Doctrine about God]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2002. 448 p.

5. Mejen S.V. *Printsip sochuvstviya. Razmyshleniya ob etike i nauchnom poznanii* [Principle of Sympathy. Reflections about Ethics and Scientific Knowledge]. Moscow, GEOS Publ., 2006. 212 p.

6. Gerasimova I.A., ed. *Mysl i iskusstvo argumentatsii* [Idea and the Art of Argumentation]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 400 p.

7. Plotnikov N.S. «Zhivoe znanie». Ideya konkretnogo poznaniya u S.L. Franka i V. Dilteya [«Live Knowledge». Idea of Concrete Knowledge at S.L. Frank and V. Diltey]. *Germenevtika. Psihologiya. Istoria. Vilgelm Diltey i sovremennaya filosofia* [Hermeneutics. Psychology. History. Wilhelm Diltey and Modern Philosophy]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2002, pp. 177-193.

8. Stepin V.S. Istoricheskie tipy nauchnoj ratsionalnosti: problemy demarkatsii i preemstvennosti

[Historical Types of Scientific Rationality: Issues of Demarcation and Succession]. *Filosofiya, metodologiya i istoriya nauki. Nauchno-prakticheskij zhurnal*, 2015, no. 1, vol. 1, pp. 6-27.

9. Tiselton E. *Germenevtika* [Hermeneutics]. Cherkassy, Kollokvium Publ., 2011. 430 p.

10. Khajdegger M. *Osnovnye problemy fenomenologii* [The Main Problems of Phenomenology]. Moscow, Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola Publ., 2001. 446 p.

11. Shvyrev V.S. *Ratsionalnost kak tsennost kul'tury: Traditsiya i sovremennost* [Rationality as a Culture Value: Tradition and Modernity]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 176 p.

12. Shulga E.N. *Kognitivnaya germenevtika* [Cognitive Hermeneutics]. Moscow, RAS Institute of Philosophy Publ., 2002. 235 p.

13. Shulga E.N. *Ponimanie i interpretatsiya* [Understanding and Interpretation]. Moscow, Nauka Publ., 2009. 318 p.

14. Lycan W.G. *Epistemology and role of intuition. The Routledge companion to epistemology*. New York, Taylor & Francis, 2011, pp. 813-823.

INTUITION AND PRE-UNDERSTANDING IN PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Elena Nikolaevna Shulga

Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher,
Institute of Philosophy of RAS
elena.shulga501@gmail.com
Goncharnaya St., 12, 119019 Moscow, Russian Federation

Anastasiya Vladilenovna Maslova

Postgraduate Student, Faculty of Philosophy,
State Academic University of Humanities
an_maslova@inbox.ru
Maronovsky Lane, 26, 119049 Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper deals with the substantiation of the role of pre-understanding in cognition and its relationship with scientific intuition within the philosophical discourse. Pre-understanding is construed as the fundamental category of philosophical hermeneutics and epistemology that empowers to draw an analogy between pre-understanding and intuition especially in view of the elucidation of their role in rational scientific quest. Such an aspect of research allows taking a broader view of an issue of the relationship between rational and extra-rational in the process of cognition which is examined on the fundamental level. The conclusion implies that in understanding the specific nature of scientific cognition the important role is played by such notions as “open rationality” and especially by “intellectual intuition”. Just on the level of displaying intellectual intuition, as it shown in paper, a correlation of pre-understanding and intuition becomes apparent to its full extent.

Key words: pre-understanding, understanding, scientific intuition, cognitive approach, rationality, extra-rational cognition, hermeneutics, epistemology.